

Глава 1

Нея

Тонкая игла медленно вошла под кожу, и препарат мгновенно понёсся по венам, опьяняя и затуманивая мои чувства.

Я зажмурилась, стараясь не смотреть на шприц, в искренней попытке отвлечь сознание и вспомнить хоть что-то радостное. Иронично, что мой мозг не забывал о страхах, но предпочёл вычеркнуть большую часть эмоций и чувств под натиском жидкой субстанции, проникающей сейчас в меня через иглу.

— Нея, ты в порядке? — раздался голос Анжелины, заставивший приоткрыть один глаз.

Я еле заметно кивнула, сглатывая подкативший к горлу ком. Во рту ужасно пересохло, а в голове нарастал шум крови, сдавливающий виски. Я искоса посмотрела на стеклянный графин, стоящий на столике около светлого дивана. Всё что угодно, лишь бы избежать зрелища того, как в вену вливается обязательное лекарство. Удивительно, как страх преобладает над тобой, полностью захватывая сознание в свои лапы. Пожалуй, его действительно сложно искоренить, даже отключив все чувства и эмоции.

— Ты всё так же боишься уколов и крови? — Анжелина с ловкостью вытянула иглу, пряча её от моего взора, и начала забинтовывать руку всё с той же доброй улыбкой.

Ей было около сорока, но лицо выглядело подтянутым и молодым. И, наверное, истинный возраст выдавали лишь седые пряди в волосах да голубые глаза, которые

утратили свой блеск после пережитого кошмара, сохранив неизменную грусть в глубине. Когда-то Анжелин лечила нашу семью, а её сын часто играл вместе с нами. Я до сих пор помню, как мы с сестрой, будучи детьми, со смехом рассматривали разноцветные витаминки в виде желейных мишек, искренне веря в их чудодейственные свойства. До всех тех событий, которые кардинально изменили жизнь каждого на планете в один миг.

Война, порождённая агрессией и жадностью людей, длилась всего месяц. Но этого краткого срока хватило, чтобы разрушить всё. Тогда же погибли муж и сын Анжелин, а она сама до сих пор избегала в одежде каких-либо цветов, кроме чёрного. Даже отказавшись от чувств, чтит память любимых.

— Всё так же боюсь, — угрюмо прошептала я, откидывая со лба каштановую прядку волос, выбившуюся из наспех собранного пучка.

— Тебе вкололи Апфер на неделю раньше. Возможно, будут головокружение, тошнота и острая боль в висках.

Я нахмурилась, уже замечая медленно подступающие симптомы. Класс. Кто же знал, что именно сегодня моя мать — глава третьей фракции Алиана Росс — решит отправиться в столицу. Да ещё и меня за собой потащит.

Анжелин помогла мне сесть на мягкой кушетке и направила к тому самому графину, чтобы налить в стакан воды. Я оглядела просторный кабинет врача, залитый солнечным светом, проникающим через высокие панорамные окна. Глаза невольно остановились на лекарствах, аккуратно разложенных вдоль маленькой тумбочки.

Апфер — та самая субстанция, которую обязаны принимать все члены фракции каждый месяц. Она дарит нам иммунитет от всех новых типов вирусов, подавляет душевную боль, но, главное, помогает избавиться от нежелательного симптома — времени на запястьях. Только, как итог, побочное действие у всех одно — притупление всех других чувств и эмоций, особенно ведущих к привязанностям. Всё же если хочешь легко избавиться от плохого,

будь готов заплатить другим. Пожалуй, из доступных чувств полностью остались только несколько: реакции самого организма, укоренившиеся с детства, физические недомогания от последствий Апфера или ран, а также страх — наиболее сильный триггер, сидящий глубоко внутри в сознании человека.

Когда-то, до ненавистной войны, уничтожившей большую часть человечества и повлёкшей техногенную катастрофу, у каждого человека был тот, кто предназначался ему судьбой. Их называли анконами, и каждый мог встретить своего после достижения восемнадцати лет.

Существовала красивая легенда о том, как мужчина Анкон попросил богов о счастье после череды жизненных драм. И те отправили ему свою дочь — красавицу Селестию. Но не оценил он этого дара любви и попросил больше счастья. Селестия, словно цветок, медленно погибала от равнодушия Анкона. Возмутились боги пренебрежением мужчины. Прокляли его и каждого живущего на земле.

С тех пор на запястьях людей появилось время. Таймер, отмеряющий срок жизни при встрече со своей судьбой. Он неактивен до тех пор, пока ты не взглянешь своему анкону в глаза. Но дальше у тебя запускается отсчёт. И если вы так и не полюбите друг друга, не откажетесь от эгоизма во имя другого, то по истечении отведённого срока сердце каждого из пары остановится.

С веками легенда обростала всё большими домыслами, но лишь одно оставалось неизменным: таймер на запястьях, который либо дарил счастье, либо обрывал жизнь.

Всё это было до войны, уничтожившей большую часть населения планеты. А время на руках впоследствии унесло ещё половину от оставшихся в живых.

С тех пор прошло уже двенадцать лет, а я всё ещё помнила наполненные слезами глаза матери, которая сжимала в руках безжизненное тело моего отца и скорбела по бесследно пропавшей младшей сестре. Мне было

всего лишь одиннадцать, и я не могла в полной мере осознать той острой боли, которая пронзила сердце, пока сотрясалась от рыданий. Но в сознании навсегда отпечатались померкшие глаза отца и застывшая в них печаль.

Оставшиеся в живых люди, истерзанные муками и страданиями, выбрали путь наименьшего сопротивления, отвергая любую боль и желая предотвратить ещё большие жертвы. Так и был создан Апфер — лекарство, забирающее время и, как следствие, чувства, ведущие к привязанностям. По прошествии лет раны утраты в сердцах людей медленно затягивались, оставляя за собой лишь гнусный привкус страха, что всё повторится, и память о пережитом кошмаре.

Что касается самого мира, выжившие объединились в четыре региона — фракции или сектора — под управлением столицы, Ордо, которая находилась во втором секторе.

Я покинула кабинет Анжелин, тихо прикрыв за собой дверь, и на мгновение остановилась, прислонившись спиной к светлой стене. Ноги подкашивались, а тело так и норовило упасть на пол безвольной куклой. Солнечные лучи нещадно слепили, проникая через стеклянный потолок и ярко освещая весь коридор.

Мне должны были вколоть лекарство лишь через неделю, но, собираясь в другую фракцию, мама потребовала принять дозу именно сегодня. Не знаю, чего она опасалась в дороге, но сердце моё так и стремилось вылететь, пробив грудную клетку.

Я медленно поплелась вдоль комнат, которые тянулись ровным рядом слева. Редкие люди, проходящие мимо и учтиво улыбающиеся мне, все как один были в однотонных, совершенно не выделяющихся нарядах: чёрных, серых, белых, зелёных или терракотовых. Разница заключалась лишь в том, какую функцию внутри фракции они исполняли. Чёрный был универсальным и использовался абсолютно всеми, в то время как, например, белый был признаком тех, кто стоял у власти и руководил фрак-

цией, а серый надевали офицеры и защитники. Забавно, что, создавая общество равноправия, люди всё равно постарались отделить одно от другого.

Мимо меня прошёл высокий мужчина в терракотовых свитере и брюках — цвете тех, кто занимался частыми переездами и торговлей между фракциями. Их мы называли «посланники». Они могли быть как просто временными гостями во фракциях, наблюдающими и изучающими всё со стороны, так и официальными представителями во время визитов.

Брюнет учтиво наклонил голову в приветствии и слегка приподнял уголки губ при виде меня.

Улыбки в этом мире были лишь инструментом и скорее этикетом. Нет, здесь присутствовали смех, радость, счастье, даже гнев и грусть, только в притупленном виде, максимально сдержанном и даже иногда демонстративном. А вот ароматы и вкусы были потеряны полностью. Помню, в детстве очень любила апельсиновый сок, но почему — сейчас понятия не имею.

Я тяжело вздохнула, поправляя плотный ремень белого комбинезона на талии, и постучала в дверь очередного кабинета, где лишь тонкая голографическая полоска указывала на имя его владельца.

«Алиана Росс», — прочитала я про себя, подождав лишь пару секунд, и повернула ручку.

Комната эта отличалась от той светлой, что была у Анжели. Тяжёлые шторы на половину высокого окна накрывали кабинет лёгкой тенью, позволяя наконец не щуриться и полностью рассмотреть представших передо мной людей.

— Нея, — раздался голос матери, — ты как раз вовремя.

Высокая брюнетка прошла к столу, бросив на меня мимолётный взгляд. Удивительно, как разительно отличался её нынешний образ «успешной бизнес-леди» от того, что всплывал в моей памяти вместе с детскими воспоминаниями. Грация и красота всё так же были при ней,

лишь в голубых глазах исчезла печаль, затянутая плотной ледяной пеленой сдержанности и величия. А мягкость в голосе и улыбка уже были не согревающими, как двенадцать лет назад, а скорее, угрожающими.

— Это Густав Темпор — лидер второй фракции, — мама глазами указала на высокого мужчину, который растянул на губах вежливую улыбку, быстрым жестом зачёсывая тёмные пряди волос.

— Добрый день, — я крепче сжала пальцами дверь, стараясь держать спину ровно и не показывать слабость, которая накатывала на тело мягкими волнами.

— И его сын — Ноэ.

Молодой мужчина обернулся на меня, будто сканируя внимательным серым взором.

Его глаза были прозрачные, как у настоящего призрака. И лишь один, правый, был будто поделён на две части: серый и карий. Неестественно светлые, как у альбиноса, короткие волосы аккуратно уложены, но вот кожа привычного оливкового оттенка, что придавало его внешности яркий контраст. Он был невероятно красив. Высокая, стройная фигура, широкие плечи и сильные руки, обтянутые тканью чёрного джемпера.

Наконец наши взгляды встретились, и губы его растянулись в лёгкой улыбке, а я лишь кивнула в ответ, отводя на мать взгляд, полный немого вопроса.

— Они будут сопровождать нас в свою фракцию, — продолжила она.

— Нам есть чего опасаться? — Я выразительно приподняла брови, выжидающе взглянув на Густава.

— Нападения сопротивления участились. Но вам не стоит думать об этом, — спокойно произнёс он. — Главы первой и четвёртой фракций уже успешно добрались до Ордо.

— Что же заставило лидера всех фракций лично сопровождать нас до столицы? — с очаровательной улыбкой произнесла я, замечая, как ожесточились черты Густава.

Он выпрямился, продолжая сохранять на лице учтивую улыбку, но в карих глазах промелькнул явно недовольный блеск. И, кажется, Апфер на этот раз затуманил полноценно все мои чувства, включая тактичность, раз я без стеснения задала подобный вопрос высокопоставленному лицу.

— Нея, полагаю, тебе нужно собрать сумку, — ровным, но ледяным тоном произнесла мать.

— Конечно, — кивнула я в ответ, стараясь держаться стойко и делая шаг назад, дабы покинуть кабинет.

— Я провожу, — раздался бархатный голос Ноэ.

И только я подняла глаза, чтобы отказаться от помощи, как он уже вышел вслед за мной, настойчиво прикрыв дверь. Я остановилась в нерешительности, явно опасаясь упасть и не желая показывать перед ним свою слабость.

— Мы можем сделать вид, что с тобой всё в порядке и ты лишь из вежливости взяла меня под руку, потому что я чертовски галантный мужчина, — губы Ноэ вновь растянулись в самодовольной улыбке, и он стал боком, демонстративно подставляя мне свой локоть.

Я на миг задумалась и всё же равнодушно пожала плечами, скорее на автомате хватая его за руку и мысленно благодаря за то, что он не стал указывать на мою слабость.

Стоило дойти до комнаты, как я обессиленно повалилась на кровать, позволив себе на пару мгновений прикрыть веки. Виски нещадно гудели, словно в попытках сдавить голову, а в теле ощущалась такая усталость, будто я тренировалась без устали всё утро и предыдущую ночь.

— Держи, — раздался мужской голос.

Я вновь приоткрыла один глаз, уже и забыв о своём прекрасном сопровождении.

Ноэ протянул мне стакан воды и белую таблетку на ладони.

— Что это? — взглянула я в его светлые глаза.

— Доверься мне, — на красивом лице растянулась добродушная усмешка.

— Нет, — улыбнулась я в ответ, приподнимаясь на локтях и всё так же упрямо глядя на него. — Что это?

— Ты хоть кому-то доверяешь? Или лишь один я такой особенный? — Его явно забавляла моя реакция, но он терпеливо держал протянутые руки.

— Никому не доверяю, — выпрямилась я, потянувшись к прозрачному стакану воды. — Но ты особенный, если тебе от этого будет легче.

Ноэ усмехнулся, а серебристые глаза заблестели. Он сжал кулак, убирая лекарство в карман.

— Это было обычное обезболивающее, а не то, что ты подумала, — обернулся молодой человек, наблюдая, как я подошла к высокому зеркалу, распуская волнистые волосы и позволяя прядям рассыпаться по плечам. Стекло миг показало истинную бледность моего лица, отчего оливковые глаза смотрелись неестественно ярко.

Ноэ внимательно и совершенно нагло следил за моими жестами, пока я пальцами расчесывала короткие пряди, уже отросшие ниже плеч. Я сосредоточенно избегала его взгляда в отражении, отчего-то не желая показывать свою заинтересованность в его персоне, и уже трижды прокляла себя за упрямый отказ от обезболивающего. Вряд ли сын главы фракций предлагал бы мне что-то наподобие эсмола¹, который так популярен среди других богатеньких деток. Да и сам Ноэ не выглядел так, словно сидел на чём-то.

Я бросила на спутника мимолётный взгляд. Интересно, если бы Апфер не подействовал на мой организм так остро, смогла бы я испытать к нему хоть малейшее влечение? В целом он был вполне в моём вкусе. Если, учитывая подавленные чувства и эмоции, какой-то мимолётный интерес можно было бы считать вкусом.

¹ Психоактивное вещество.

Помню в детстве, когда мы ходили в школу вместе с младшей сестрой, у меня был одноклассник, постоянно норовящий хоть как-то меня уколоть или обозвать. Забавно, как дети любят проявлять свою симпатию. Я тогда много плакала и смущалась, пока однажды не ударила его по голове увесистым учебником. Знал бы он, что тоже мне нравился...

Я закусила губу по старой привычке от этих воспоминаний. Смущение и слёзы сейчас были чем-то недоступным. Лишь в последний день, перед новой сывороткой Апфера, ты мог почувствовать еле уловимые ароматы вокруг. И то, это было скорее самовнушением.

Но лекарство снимало даже эти следы. Для меня всегда оставалось удивительным, как оно легко затуманивает мои эмоции, чувства, вкусы, но не борется с головной болью, сопровождающей весь следующий день.

Иногда я задумывалась, зачем мы всё ещё принимаем его. Если изначально люди пытались заглушить свою боль, то сейчас единственным аргументом было время на запястьях, которого боялись. Хотя война уничтожила большую часть населения, отчего найти своего анкона представлялось практически невозможным. Но всё же мы продолжали использовать препарат. Было ли это сродни привычке, или человек просто больше без него не мог? Хотя тогда все члены сопротивления точно были бы отмороженными и бесчувственными.

А в целом, может, они такими и являлись? Туда попадали те, кто бежал из фракций, кто бродил по пустынным улицам заброшенных городов, похожих сейчас на трущобы среди джунглей, или те, кого выгнали за пределы стен из-за того, что Апфер на них попросту не действовал. Судя по новостям, приносимым матери её шпионами, с каждым годом таких становилось всё больше. Никто не знал, где именно они скрываются: под землёй, в горах или, может быть, заполонили те самые трущобы, куда офицеры фракций соваться не решались.

Эмбер Валарис

— Это что? — Ноэ подошёл ближе, захватывая пальцами седую прядку в моих волосах, которая обрамляла лицо.

О да, отсутствие такта тоже было побочным действием Апфера, которым все непременно пользовались.

— Последствия войны, — с лёгкой улыбкой произнесла я, не желая делиться всей историей. — А что это?

Я протянула руку и провела кончиками пальцев по его коже около глаза, поделённого на два контрастных цвета.

— Врождённая особенность, — всё с той же ухмылкой ответил он. — Нам пора, ты всё собрала?

— Да, — я ещё раз оглянулась по сторонам, подходя к заранее подготовленной сумке. — Я готова.

Глава 2

Эрик

Пряный дым наполнил лёгкие, вытесняя усталость от бессонной ночи и расслабляя каждую клеточку тела. Яркий свет слепил глаза, и я лениво вытянул ноги, свесив их в самую пропасть. Тёплый воздух бил в лицо, а солнце обжигало обветренную кожу. Но я не замечал ничего этого, полностью отдавшись моменту и эйфории, которая медленно накатывала на тело.

Глубокий вдох. Задержка дыхания. И выдох. А по крови уже бежит опьяняющая лёгкость.

В бок упёрся приклад винтовки, и я раздражённо нахмурился, открывая глаза и кидая гневный взгляд на того, кто так зверски вырвал меня из объятий кайфа.

— У тебя был слишком раздражающе мечтательный вид, — ухмыльнулся шатен, хитро блеснув зелёными глазами.

Он сделал последнюю затяжку и кинул косяк в пустоту с высоты десятого этажа небоскрёба, на краю которого мы сидели в ожидании уже третий час.

Старое здание держалось на одной лишь светлой молитве, и я искренне был поражён тому, что коррозия и природа до сих пор окончательно не уничтожили остатки некогда огромного мегаполиса.

— Ты принёс его, чтобы помешать насладиться? — бросил я, последний раз запуская дым в лёгкие и отправляя остатки джойнта по тому же маршруту.

— Ты уверен, что они поедут именно этим путём? — проигнорировал моё недовольство Оуэн. Я поднял винтовку, приложил её к плечу и посмотрел в оптический прицел на одинокие рельсы, идущие вдоль высоких зданий, утопающих в зелёных джунглях. — Эрик, — повторил он.

— Должны, — коротко бросил я, натягивая чёрную арафатку до самых глаз и заваливаясь назад, вновь смыкая веки.

Голова гудела от усталости, а тело явно просило сна. Я даже не чувствовал осколки стекла, на которые улёгся спиной, лишь волна раздражения и гнева медленно накапывала на сознание. Как и всегда, мне стоило пойти выслеживать очередной отряд офицеров фракций. Их схемы патрулирования постоянно менялись, но вчера вечером пташки нашептали мне о весьма интересном улове. Об Алиане Росс, которая планирует проследовать именно этим маршрутом в сторону второй фракции. А уж эта дамочка могла поведать много интересного о схемах главного штаба. Добраться до неё было бы воистину удачей. И именно поэтому во всех соседних строениях сейчас притаились мои люди.

Поговаривали, что у неё была дочь — высокомерная и трусливая, державшаяся в стороне от шума «придворных интриг» и от всего круга богатеньких отпрысков, наполняющих ночные клубы Ордо. Но Алиана была слишком умна и хранила в строжайшей тайне малейшую информацию о девчонке. Хотя в целом она сама по себе была бы абсолютно бесполезна.

Шум ветра доносил до нас одинокий шелест листьев, а тишину прерывали лишь капли воды, падающие с железных балок в образовавшиеся после ливня лужи. Воздух был пропитан сыростью и запахом травы, не способной заглушить зловоние затхлых вещей, давно оставленных людьми. Но вдруг послышался знакомый посвистывающий ультразвук. Поезд, тот самый, на котором жители одной фракции могли быстро добраться до другой.